

РАЗДЕЛ 4. ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Венецианский след в философии субъекта

к.ф.н., доц. Дмитриев В.Е, к.ф.н., доц. Дмитриева И.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, МГТУ «МАМИ»

Статья посвящена исследованию социальных корней новоевропейского понятия субъекта. Авторы нашли главную причину изменения смысла понятия субъекта в экономической практике Венецианской республики. По их мнению, именно образ венецианского купца не только стал катализатором разрушения феодального порядка, но и определил коннотации всей последующей новоевропейской философии субъекта.

Понятие субъекта в новоевропейской философии долгое время было чем-то очевидным и принципиально неустранимым. Именно это понятие определяло существо европейской мысли. Но в той мере, в какой сторонники понятия субъекта теряли свои командные высоты в философии, среди самих же европейских мыслителей крепло критическое отношение к этому понятию. Именно это критическое отношение и определяет сегодня перспективы европейской мысли. Философия субъекта ныне переживает кризис, все усилия П. Рикера и др. мыслителей по ее реанимации пока оказались тщетны. Европейская философия уже перестает быть тотально «евроцентричной», и в этом ее достижении немалая заслуга принадлежит критикам понятия субъекта.

Понятие субъекта, будучи ключевым, для классической новоевропейской философии всегда содержало в себе множество смысловых оттенков. Оно носило характер гносеологический, онтологический, исторический, социальный, политический и т.п. Каждый из этих смысловых оттенков тщательно отслеживался европейскими исследователями. Один из таких смысловых оттенков, а именно политэкономический, в философской литературе также пользовался неизменным вниманием, соизмеримым по значимости разве что с гносеологическим смыслом понятия. Особенно тщательно этот смысловой оттенок изучался социально ориентированными школами западной философии. Но происхождение этого смыслового оттенка в философии и сами политэкономические истоки новоевропейского субъекта увязывались достаточно редко. Но если англо-американские и французские мыслители леворадикальной ориентации эти связи еще отслеживали, то в постсоветской философии взаимосвязь экономики с философскими содержаниями явно находится пока не в фокусе нашего внимания. Платой за это стал низкий уровень социальной критики, «беззубость» и академическая отрешенность философии.

В своей статье мы хотели бы показать связь между венецианскими купцами и новоевропейской философией субъекта. Благодаря этой связи мы рассчитываем существенно прояснить политэкономический смысл понятия субъекта, на который скрыто и интуитивно опирается вся классическая и постклассическая новоевропейская философия.

В философской литературе часто описывается субъект-объектный переворот в познании, который произошел в 17 веке. После этого переворота философия навсегда распалась на две исторических эпохи: древнюю и новую. Человек впервые приобрел черты субъекта, ранее ему не свойственные. Он стал заниматься деятельностью, посвященной изучению сознания и познания. Почему так радикально изменились субъект-объектные отношения в деятельности и познании? Что же явилось источником этой перемены?

Из истории западной культуры нам известно, что господство христианских ценностей в Европе, максимально умалявших значение горделивого Я, со временем сменилось господством ценностей разумного эгоизма и субъективизма. И этот исторический поворот кажется почти невероятным. Из глубин самого духа христианства выросло радикальное отрицание этого духа. И оно несет в себе черты чуда. Как могло такое отрицание возникнуть, если оно никак не вытекает из содержания предшествующей эпохи? Видимо, есть некоторая загадка в происхождении новоевропейского эгоизма и субъективизма.

Загадку происхождения новоевропейского субъектоцентризма пытались разгадать многие философы, историки и культурологи. Мы полагаем, что ближе всего к разгадке подошли такие известные историки, как Марк Блок, Оливер Кокс и Фернан Бродель. Следуя в направлении, указанном этими историками, мы и пришли к выводу о том, что имеется исток происхождения европейского субъектоцентризма. Этот исток – Венеция, точнее, уникальная политэкономическая ситуация Венецианской республики эпохи Возрождения, подтолкнувшая христианский мир к саморазложению.

Как известно, сословный иерархический порядок – необходимая черта средневекового христианского мира. Иерархически организованное феодальное общество Средневековья поделило всех людей в Европе на сословия. В рамках каждого из этих сословий возникли различные порядки организации человеческой жизни в христианском мире. В составе третьего сословия сложился один из порядков организации человеческой жизни, который можно определить как «купеческий», «торговый». Он предполагал специфическую систему ценностей, свою доблесть и достоинства, свое место в обществе, свою этику. Торговое занятие в средневековой социальной иерархии было отнесено к деятельности, характеризующей низшее, третье сословие. Следовательно, быть дворянином и одновременно посвятить свою жизнь торговле сообразно образу жизни «купца» не представлялось возможным. Слишком велик разрыв в ценностях между дворянами и купцами, как это убедительно в свое время показала польский этик А. Оссовская. Всякое смешение способов поведения, этики, т.е. смешение социальных порядков, вступало в непримиримое противоречие со всем строем средневековой христианской жизни. Такие смешения несли реальную угрозу для всего духовного строя христианского мира Европы и должны были жестко идеологически контролироваться. Пределы иерархической структуры средневекового общества, а также скрепы этой структуры, оказавшиеся внешними (но необходимыми) к установленному порядку, получили по отношению к иерархии христианского мира особый статус. Благодаря своему особому статусу все маргиналы (короли, преступники, студенты и т.п.), отрицая фактом своего существования установленный порядок, тем не менее, работали на его укрепление. Их поведение, несоответствующее порядку, допускалось последним и не могло подорвать к нему доверие, не могло поставить средневековый порядок под вопрос. Поэтому мы склоняемся ко мнению, что реальная угроза средневековому укладу жизни была вызвана сбоем в иерархической структуре христианского общества, породившим иной, новый тип маргинала. Этот новый тип маргинала оказался опасен как раз тем, что его существование было неучтенным казусом для иерархической системы Средневековья.

Мы исходим из гипотезы, что средневековый мир рухнул именно потому, что он не смог адекватно реагировать на многообразие жизненных ситуаций, так как установленный иерархический порядок, в силу схематичности и узости своего содержания, не мог стать тотальным и допускал существование множества лакун, в которых и зародилось отрицание духа христианского мира. Одна такая лакуна сословного порядка возникла по упущению папской курии в Венецианской республике.

Исторические метаморфозы в политической жизни Венецианской феодальной республики привели к тому, что ее правящая элита скопилась на сравнительно небольшой территории, и эта случайная скученность породила социальные проблемы, которые нужно было решить. Дело в том, что венецианская знать, утратив почти всю земельную собственность на континенте, оказалась в сложном положении: с одной стороны, имелось значительное количество феодалов, но, с другой стороны, эти феодалы не в состоянии принять порядок организации человеческой жизни в христианском мире, определявшийся именно как «дворянский». Ведь быть феодалом – значит быть хозяином феода, сеньором земли. А в Венеции быть сеньором оказалось слишком затруднительно (это связано с тем, что в самой Венеции было крайне мало ленных владений, но при этом в городе насчитывалось более полутора тысячи дворян).

Чтобы выйти из создавшегося положения, венецианские сеньоры обратились за помощью в Рим. Они просили у папской курии разрешения внести в виде исключения изменение

в данные им христианским порядком предписания. Они просили разрешить им заниматься торговым ремеслом, но при этом сохранить за ними дворянское достоинство. Свою просьбу они сопроводили знаками покорности римской курии и хорошими подарками. Так, положение знати в Венеции стало предметом особого разбирательства папской курии, и было вынесено роковое для христианского мира решение – позволить венецианским сеньорам, в порядке исключения, заниматься торговым ремеслом и тем самым изменить в отношении к ним порядок организации человеческой жизни в христианском мире, который предписывался дворянам. Именно это опрометчивое решение Папы поставило венецианских сеньоров вне сословного иерархического порядка средневековой христианской Европы, сделало их маргиналами нового типа, неучтенными сословным укладом. После принятого решения венецианские дворяне оказались в двусмысленном положении по отношению ко всему сословному феодальному порядку христианского мира. С одной стороны, они представители второго сословия, а с другой стороны, они ведут образ жизни, характерный лишь для третьего сословия. Произошла маргинализация венецианских «купцов-дворян», что с неизбежностью вывело венецианцев за пределы Средневековья. Исходя из выше сказанного, мы полагаем, что именно это решение папской курии оказалось роковым для дальнейшей судьбы всей Европы, что именно это папское упущение существенно подтолкнуло христианский мир к последующему саморазложению. Ошибка Папы – вот исток появления новоевропейского субъекта, а впоследствии философии субъекта и субъектоцентризма.

Воспользовавшись разрешением Папы, дворяне Венеции активно включились в борьбу за золото христиан. Знатные дворяне вели торговлю, а младшие дворяне при ней служили, наживая капитал. Однако ведение торговли предполагало и соответствующий этому занятию образ жизни, специфические ценности и доблести. Поэтому венецианских сеньоров не устраивал не только предписанный средневековым христианским миром порядок для торговых людей, но и предписанный средневековым христианским миром порядок для дворян.

Цеховой средневековый купец, принадлежавший своему сословию, проживал свою жизнь в путешествиях и приключениях, более или менее удачно торгуя. Доблести и добродетели торгового человека определялись в соответствии с его положением в иерархии средневекового общества. И наряду со своими доходами купец получал еще специальные знаки общественного признания (звания или должности, соответствующие статусу третьего сословия). Жизненный путь венецианского купца оказался не связан ни правилами традиционного цехового купечества, ни предписаниями феодального сословного общества в целом. В отличие от цехового купца, его жизнь оказалась в зависимости не столько от самого процесса торговли, т.е. от качеств торговли, сколько от скорости приращения торгового капитала, т.е. от количественных параметров торговли. Значение цехового купца определялось его способностью максимально точно выполнить предписания христианского порядка, приличествующие торговому человеку. Он проводил жизнь в торговле, а не торговал. Иное дело – венецианский сеньор. Его мало интересовали предписания христианского порядка, он ощущал себя вне доблестей и добродетелей цехового купца, впрочем, он также ощущал себя вне доблестей и добродетелей дворянского сословия. Венецианца занимал лишь количественный прирост его капитала, скорость обращения средств, эффективность торгового дела, а все остальное в его деятельности носило лишь вспомогательный характер. Как купец, он мог состояться лишь в одном случае: при количественной эффективности его торгового дела. Это его главная ценность и доблесть. Общая результативность торгового дела, достигаемая скоростью оборота капитала, – вот что определяет торговлю венецианского купца, вот что подчиняет себе его образ жизни. Так, жизненная удача венецианца (в качестве купца) находилась в зависимости только от скорости приращения торгового капитала. Удача же цехового купца была связана лишь с мерой причастности к самому торговому делу (перемещению товаров) и средневековому распорядку жизни в целом (подчиненности их образа жизни церковным предписаниям).

Решение папской курии по венецианцам породило раскол в торговых стратегиях и разделило купечество на старое, цеховое, и новое, венецианское. Но в рамках одной деятельности эти два типа купцов ужиться не могут, так как у них одно пространство жизнедеятельно-

сти и антагонистическое соперничество за сферы влияния. Какой-то тип купечества должен был со временем покинуть сферу торговли, что и произошло. Венецианская торговая стратегия, переходя из города в город, вытеснила цеховую торговую стратегию, но по своему характеру она была далека от идеалов и задач Средневековья. Так в Европе появилась экономически влиятельная группа людей, дистанцированная от идеологических установок Средневековья.

Венецианская республика, благодаря своему «срединному» положению (располагалась между центральной Европой и Востоком), создала дисперсную империю военно-торговых аванпостов, рассчитывая стать господином всего «золота христиан». Главным средством для достижения своего господства над золотом христиан Венеция избрала не силу флота, а время, т.е. скорость торгового оборота капитала. При этом Венеция сделала ставку не на локальные экономические новации (чеки, двойную бухгалтерию, мануфактуру и т.п.), на которые поначалу сделала ставку Флоренция. Венеция сделала ставку на организацию тотального торгового сообщества быстрого оборота, практиковавшего только массовые и краткосрочные инвестиции. Именно ставка на время, на скорость оборота вот что являлось главной особенностью венецианской экономической стратегии позднего Средневековья.

Эта особенность политэкономической ситуации Венецианской республики эпохи Возрождения и подтолкнула христианский мир к саморазложению. Именно венецианцы изобрели такой образ жизни, в котором количественная сторона человеческого усилия стала определяющей в отношении доблести и добродетели людей. Поэтому мы полагаем, что с течением времени «венецианский» образ жизни для Новой Европы станет определяющим, а осмысление смены приоритетов в обществе приведет мыслителей 17 века к новоевропейскому понятию субъекта и к субъектоцентризму в философии.

Почему именно венецианцы оказались катализаторами европейской секуляризации и субъектоцентризма?

К моменту возникновения нового образа жизни торгового человека, т.е. венецианца, сделавшего ставку на время оборота капитала, в христианской феодальной Европе имелись маргинальные и альтернативные средневековому порядку мира (например, миры преступников, королей и *Homo universalis* и др.). Преступники были исключены из социальной иерархии изначально. Короли, стремясь к однополюсной и абсолютной власти, устранили всякую реальную и суверенную власть феодалов, сделав их «лишними людьми». Тем самым короли поляризовали и упростили мир людей, создав условия для уничтожения феодального порядка в целом. При этом в мир *Homo universalis* включались и те, кто не относился к феодальной сословной иерархии. В частности, к такому миру принадлежала университетская школярская публика, которая потенциально могла занять любое место в социальной иерархии Средневековья, и в этом смысле она не имела строго определенного в средневековой иерархии места. К этому же миру (*Homo universalis*) принадлежали и гуманисты – люди, усомнившиеся в естественном происхождении сословной иерархии. К нему же принадлежали реформаторы, усомнившиеся в авторитете церкви. К нему принадлежали ученые, уже не нуждавшиеся в примате Библии для того, чтобы что-то узнать о божественном устройстве мира по Книге Природы. Все эти люди имели в структуре средневекового мира значительную автономию и жили за счет лакун иерархического сословного порядка. Как уже было сказано, эти маргинальные и альтернативные миры были учтены и допускались средневековым феодальным укладом. А вот когда к этим маргинальным и альтернативным силам присоединился новый, неучтенный средневековым феодальным укладом союзник, активный и экономически мощный, тогда начал складываться альтернативный Средневековью мир – Новый. И в той мере, в какой венецианский купеческий образ жизни захватывал различные торговые центры Европы (Ганзу, Флоренцию, Антверпен, Геную, Лондон и т.д.), возрастало и значение универсальных ценностей *Homo universalis*, т.е. интеллигенции. Опираясь на ценности *Homo universalis*, восприняв их как свои, венецианский купеческий тип жизни распространялся по Европе. Естественно, укреплялся абсолютизм королей, и увеличивалось значение преступности. Так и возникло обновленное человечество, субъекты. Когда религиозные вой-

ны создали в Европе автономное пространство человеческого усилия (и население само, лично, принимало решение, с кем им быть: с Папой или императорами), Новый мир окончательно победил старый средневековый мир и в экономике, и в политике, и в науке. Наступила эпоха субъектов и революций.

Без экономической мощи венецианцев (а именно они, и те, кто принимал их образ жизни, финансировали все начинания интеллигенции, королей и преступников) альтернативные средневековым мирам так навсегда и остались бы маргинальными. Энергичное вмешательство новых купцов в жизнь христианской Европы изменило ценностные приоритеты общества, и маргинальное явление «венецианства» стало доминантой общеевропейского развития. А со временем исторически случайное и географически локальное «венецианство» стало единственной судьбой не только Европы, но и всего мира в целом.

В заключение мы хотим показать, что черты венецианской торговой стратегии и образа жизни не могли не найти своего отражения в новоевропейской философии субъекта.

Ранее мы утверждали, что, решая локальную проблему скуденности сеньоров, Венеция изобрела тотальное торговое сообщество быстрого оборота капитала, практиковавшего только массовые и краткосрочные инвестиции. Доблесть в этом сообществе новых купцов определялась лишь количественным ростом капитала, т.е. она, в отличие от мира цеховых купцов, была исчислима, в то время как средневековый уклад опирался прежде всего на качественные различия (по крови, дару, природе и т.п.), которые не могли иметь точных количественных параметров. Венецианцы привнесли точность количественных параметров в торговую деятельность и возможность исчислять эффективность торгового оборота. Основным приоритетом торговли стало получение максимума выгод при минимуме затрат. При оценке такой деятельности качественные различия участвующих в торговле агентов можно не учитывать. В результате такого одностороннего понимания доблестей купца, сословные различия Средневековья теряют всякий смысл. Поэтому для венецианцев различие между людьми представлялось прежде всего как различие количественное (по счету в банке, доходу). Именно эта экономическая однородность участников торгового оборота, по нашему мнению, начинает воспроизводиться и в других сферах человеческой деятельности: в политике (в статусе любого гражданина), в экономике (в собственности), в юриспруденции (в правах человека), а главное – в познании (в понятии гносеологического субъекта).

Чтобы убедиться в связи венецианской идеи исчислимости с философией субъекта, достаточно указать на одно положение рефлексивной новоевропейской философии субъекта – меру субъективной достоверности.

Для Р. Декарта гносеологический субъект новоевропейской философии не предполагает качественных изменений самого себя. Качества могут изменяться, но они не имеют смысла в процессе познания. Субъект для Декарта в качественном смысле завершен и совершен. Всякая истина с необходимостью открывается перед ним. Субъект всегда неизменен, а меняются сами истины. Познание осуществляется лишь в той мере, в какой качества субъекта не учитываются. Учитывается мера субъективности и ее исчислимость. Иначе говоря, в той мере, в какой мы – субъекты, в той мере, в какой мы – одно, мы открыты и к познанию, и к пониманию друг друга. Качества несоизмеримы между собой, количества вполне соизмеримы, их можно точно сопоставлять и исчислять. Чтобы знать, что может быть делом ума по преимуществу, нужно опереться на точность исчисления каких-либо абстрактных количеств. И тогда мыслить – значит указывать на субъективные условия достоверности истины, т.е. на степень отрефлексированности их субъектом. Этой степенью, по Декарту, только и может обосновываться значимость каждого философского концепта. С подобной формулой мы как раз и встречались в экономической стратегии венецианцев.

Рефлексивная философия субъекта дублирует своими содержаниями однородность и исчислимость участников венецианского торгового оборота. Это и позволяет раскрыть подоплеку философии субъекта и само понятие субъекта новоевропейской метафизики как наполненное конкретными политэкономическими содержаниями. Именно политэкономический взгляд позволяет увидеть в субъекте новоевропейской философии не только средоточие «Я» и главную

форму самосознания, т.е. некоторую универсальную и чистую форму, лишённую индивидуальных особенностей.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм 15-18 вв. Т.3. Время мира. М., 1992.
2. Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. М., 2004.
3. Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М., 1997.
4. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
5. Рено А. Эра индивида. СПб., 2002.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
7. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
8. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
9. Cox O.C. Foundation of Capitalism. L., 1959.
10. Frank M. Was ist Neostukturalismus? Frankfurt. a. M., 1984.
11. Jameson F. The political unconscious : Narrative as a socially symbolic act.. Ithaca, 1981; Ryan M. Marxism and deconstruction: A crit. apporoach. Baltimore, 1982.
12. Lacoue-Labarthe F. Typographies. 1. P., 1979.

Развитие в России виртуальной экономики

д.э.н., проф. Филякин Ю.П., Маслова Н.Ю.
МГТУ «МАМИ»

Рассматривается становление в России виртуальной экономики, то есть электронная коммерция и электронный бизнес, степень готовности страны к такому развитию и коммерческая возможность использования Сети различными экономическими субъектами.

В конце 20 в. в научной литературе появилось понятие «виртуальная экономика». Структура виртуальной экономики формируется из отдельных сегментов, связанных между собой Сетью, поэтому иногда ее называют «сетевой экономикой». Основными составляющими виртуальной экономики являются:

- инфраструктура Сети, куда входит производство информационной техники и программного обеспечения, коммуникационного оборудования;
- прикладные разработки – консультационные услуги, разработка серверов, поисковые системы, обучение пользователей;
- посреднические услуги – реклама, сетевые брокеры;
- сетевая торговля – продажа товаров и услуг, подписка, развлечения, профессиональные услуги.

Размеры и отраслевая структура сетевой экономики представлены в табл. 1.

Как правило, под «виртуальной экономикой» подразумевается особое экономическое пространство, в котором осуществляется электронная коммерция или электронный бизнес.

Электронный бизнес – это деятельность компании, направленная на получение прибыли, которая основывается на цифровых технологиях и тех преимуществах, которые они предоставляют.

Электронная коммерция – это один из способов осуществления электронного бизнеса. Рассматривая проблемы электронной коммерции, следует обратить внимание на двойное толкование самого термина. Иногда, говоря об «электронной коммерции», имеют в виду исключительно коммерческую деятельность провайдеров Интернет-услуг, но гораздо чаще «электронной коммерции» дают более широкое толкование: как совокупности всех возможных способов использования Сети в коммерческих целях. Далее мы будем использовать это общепринятое более широкое толкование понятия «электронной коммерции».